№ 51. Изд. годъ XI. 16 декабря. 1889 г. № 51.

Годъ съ пересылкой и доставкой . . 7 р.
Шесть мѣс. съ перес. и достав. . . 4 »
Годъ безъ пересылки и доставки . . 6 » 50
Цѣна отдѣльнаго номера 20 коп.

ШУТЪ

Художественный журналъ каррикатуръ

Пріемъ объявленій по 25 коп. за строку нонпарели въ одинъ столбецъ.
Адресъ редакціи и конторы: Невскій пр., № 110.
Личныя объясненія съ редакторомъ по субботамъ, отъ 11 до 1 ч. пополудни.
Возвращеніе рукописей не обязательно

Объяснила.—Рис. В. Порфирьева.

— Саша, что значитъ: «оффиціальный» и «неоффиціальный»?
— Гмъ... какъ бы это тебѣ сказать?.. Оффиціальный гость—это мой желѣзнодорожникъ, а неоффиціальный—это актеръ Миша.

УСПОКОИЛЪ.

— Вамъ, батенька, лапти плести, а не въ винтъ играть!..

— А вамъ—лучше бы свиней пасти!..

— Перестаньте, господа... Вы успѣете обратиться къ вашимъ занятіямъ по окончаніи игры...

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „ШУТА".

Шуты и дѣти часто говорятъ правду.

Шекспиръ.

Издавна заведенъ этотъ великолѣпный и безусловно-благонамѣренный ритуалъ встрѣчи появляющагося на горизонтѣ праздника. Ритуалъ занимателенъ и общеизвѣстенъ: чиновники, шаркая ногами, величественно расписываются въ полученіи наградныхъ; почтенныя матроны покупаютъ замороженныхъ поросятъ; младенцы зубрятъ поздравительные стишки; книгопродавецъ Вольфъ объявляетъ о распродажѣ дѣтскихъ книжекъ. Такъ всегда было, всегда есть и, вѣроятно, всегда будетъ. Ничто не можетъ видоизмѣнить программу этого ритуала.

Если бы во время предпраздничной сутолоки вспыхнула всеобщая европейская война — чиновники, тѣмъ не менѣе, расписывались бы въ полученіи наградныхъ.

Если бы разыгралось небывалое по своей грандіозности землетрясеніе — почтенныя матроны все-таки покупали бы замороженныхъ поросятъ.

Если бы экспромптно разразился такой моръ, какой не снился даже провинціальнымъ актерамъ—младенцы, ничтоже сумняшеся, продолжали бы зубрить свои поздравительные стишки.

И, наконецъ, если бы, передъ рождественскими праздниками, солнце перестало свѣтить, а земля вертѣться—книгопродавецъ Вольфъ все-таки объявлялъ бы о распродажѣ дѣтскихъ книжекъ.

Неизбѣжное неизбѣжно!.. какъ сказалъ нѣкогда нѣкто уличенный въ присвоеніи себѣ званія Козьмы Пруткова, а Прекрасная Елена, сдѣлавъ ему ручку, игриво добавила: „отъ судьбы не уйдешь!"

Вотъ все, что мы желали сказать въ этомъ году и на этомъ мѣстѣ по поводу настоящаго предпраздничнаго столпотворенія.

* * *

Зимній сезонъ есть въ то же время и сезонъ баловъ par excellence. Лѣтомъ не принято танцовать, по причинѣ жары и производящагося повсюду ремонта. Лѣтомъ можно только кататься на велосипедѣ и кушать простоквашу.

Зимою, наоборотъ, танцовать очень удобно. Разгоряченнымъ танцорамъ предоставляется выбѣгать „освѣжаться" на улицу, кататься въ снѣгу и, затѣмъ, поцѣловавъ ручку у своей дамы, отправляться ad patres.

Вотъ почему теперь замѣчается такая масса частныхъ и общественныхъ баловъ. Различіе между частнымъ и общественнымъ баломъ то, что на первомъ, при желаніи и во время разъѣзда, можно надѣть чужую шубу, между тѣмъ какъ на второмъ, при разъѣздѣ, вамъ непремѣнно напялятъ чужую шубу... но уже всегда противъ вашего желанія.

Общественнымъ баламъ принято присвоять національныя клички: „французскій балъ", „польскій балъ", „чешскій балъ" etc. На французскомъ балу къ дверямъ приставляется биллетеръ, говорящій каждому входящему „votre billet, s'il vous plait"; на польскомъ балу кавалеры, во время гранъ-променада, угощаютъ дамъ пляцками, а на чешскомъ—наемный танцоръ изъ „Варьетэ", съ приклеенными къ верхней губѣ длиннѣйшими усами, откалываетъ чардашъ, очень, впрочемъ, похожій на русскаго трепака. Этимъ и исчерпываются національныя качества баловъ разнокалиберныхъ „колоній", исключая колоніи малолѣтнихъ преступниковъ, которые, получивъ плохой баллъ за свое поведеніе, никакого бала не устраиваютъ.

* * *

Итакъ, дамамъ разрѣшено ѣздить на имперіалахъ конки... Это очень галантно со стороны нашего муниципалитета, что онъ разрѣшилъ дамамъ ѣздить на имперіалахъ конки. Мы уже дошли до той степени умственной зрѣлости, когда дамамъ можно разрѣшить ѣздить на имперіалахъ конки.

Это милостивое разрѣшеніе принесетъ двоякую пользу: во-первыхъ, теперь мужчинамъ будетъ уже не такъ безотрадно-тоскливо торчать на верхушкѣ вагона, уподобляясь той соснѣ, которая стоитъ одиноко на голой вершинѣ дикаго сѣвера и мечтаетъ о стройной пальмѣ, растущей въ знойной

долинѣ Аравіи; во-вторыхъ, дамы будутъ имѣть возможность экономить съ каждаго вояжа двѣ копѣйки, складывать эти деньги въ копилку и, по истеченіи извѣстнаго срока и нарощеніи извѣстной суммы, покупать себѣ „не въ счетъ абонемента“ новую шляпку съ перомъ птицы-гага.

Затѣмъ, бѣднымъ, но благороднымъ дѣвицамъ предоставляется новое поле для охоты за женихами. Имперіалъ конки — очень недурное мѣсто для кокетированія и стрѣльбы глазами. Катающійся на имперіалахъ мужчина обыкновенно настроенъ жизнерадостно и къ марьяжной идеѣ относится довольно сочувственно... особенно, если хорошенькая спутница выразитъ желаніе заплатить за него четыре копѣйки проѣздной контрибуціи.

И, наконецъ, это разрѣшеніе особенно радостно привѣтствуется тѣми дамами, которыя курятъ папиросы и сигары. Внутри вагона, какъ извѣстно, не дозволено курить, за то на крышѣ дыми въ полное твое наслажденіе.

Намъ остается только пожелать, чтобы вскорѣ дамамъ разрѣшили бы быть и кондуктриссами „конки“

* *
*

Въ россійскій литературный кузовъ отважно собираются залѣзть еще три новыхъ періодическихъ груздя, широковѣщательно уже оповѣстившихъ почтенную публику о своемъ дебютѣ въ началѣ 1890 года.

Первый груздь называется „Рускимъ Обозрѣніемъ“. Онъ причисляетъ себя къ толстымъ, разъ въ мѣсяцъ выходящимъ, журналамъ. Обѣщается патріотическое направленіе, глубина мысли и высота идеаловъ. Сотрудниками выставлены: Поль Буржэ, Леруа-Болье, Жюль Симонъ. Надѣются, что возстанетъ изъ гроба Мишлэ, который будетъ составлять для „Русскаго Обозрѣнія“ компиляціи по историческимъ вопросамъ.

Второй груздь—журналъ „Вѣстникъ Воспитанія“ Издатель его, д-ръ Покровскій, собирается воспитать нашихъ младенцевъ 6—8 разъ въ годъ за скромную плату 5 рублей въ годъ, а съ доставкою воспитанія на домъ—рублишко de plus. Цѣна, во всякомъ случаѣ, очень скромная. Нынче даже бонны, занимающіяся исключительно утиркою носа младенца, берутъ въ двадцать разъ дороже.

Третій груздь—„Журналъ охоты“. Онъ преисполнился охоты віохотить насъ къ охотѣ. Пора намъ, наконецъ, серьезно и основательно заняться охотою. Надо бросить все къ чорту въ зубы, и канцелярщину, и карты, и женщинъ, надо взять самопалъ и итти за Уралъ. Немвродъ былъ охотникъ, и потому онъ прославился. Если кто желаетъ прославиться, пусть онъ сдѣлается Немвродомъ и подпишется на „Журналъ охоты“.

«Шутъ».

АНТИЧНЫЯ КАРТИНКИ.

3. Финикія.

Съ молодою финикійкой
Финикіецъ молодой
Сѣлъ подъ финиковой пальмой,
Рѣчь его лилась волной:

„Для тебя, моя Дидона,
Не безъ тягостной борьбы
Перешелъ бы я отважно
Геркулесовы столбы:

Тамъ несмѣтныя богатства,
Руды полны серебромъ,—
Иль погибъ бы я отъ бури,
Иль вернулся богачемъ“.

И отвѣтила Дидона
Нѣжнымъ голосомъ своимъ:
„Поѣзжай же, наживайся—
И тогда поговоримъ“.

Ю. Ю.

ВЪ РЕСТОРАНѢ.

Одинъ изъ обѣдающихъ подзываетъ лакея и, показывая на свою тарелку, строго вопрошаетъ:

— Скажи, пожалуйста, вотъ этого зайца, котораго ты мнѣ сейчасъ подалъ, дѣйствительно убили гдѣ-нибудь на охотѣ?

— Такъ точно-съ, сударь. Поваръ даже дробинки изъ него вынималъ...

— Удивительное дѣло! А я-то, кушая его, полагалъ, что онъ умеръ собственною смертью... отъ старости...

БАЛЫ.

Нашъ собственный оберъ-хроникеръ, запыхаясь, спѣшитъ намъ доложить, что въ самомъ непродолжительномъ времени имѣютъ состояться слѣдующіе балы:

Балъ гробовщиковъ—въ залахъ Павловой. Кавалеровъ просятъ быть во фракахъ.

Балъ доминиканцевъ—въ помѣщеніи ресторана Доминика. Входъ безплатный, закуска—тоже, но при условіи невмѣшательства буфетчика. Играть будутъ нѣсколько туземцевъ на... билліардахъ.

Балъ петербургскихъ кухарокъ—въ нѣмецкомъ клубѣ. Входъ по рекомендаціи полиціи. Кавалеры обязательно должны быть въ сапогахъ, дамы въ платьяхъ, но безъ передниковъ.

ЗИМНІЙ ДІАЛОГЪ.

Онъ.

Жарокъ твой поцѣлуй, очи страстью горятъ,
Ярко рдѣютъ пурпурныя губки..
Все отдамъ я за твой зажигательный взглядъ!

Она.

Отчего жь ты не купишь мнѣ шубки?!.

Онъ.

Что за странный вопросъ!.. Или чувство въ тебѣ
Все застыло навѣки, какъ въ камнѣ?!
Пожалѣй ты меня: я надломленъ въ борьбѣ.

Она.

Подари къ Рождеству хоть боа мнѣ.

Онъ.

Я тебя не узналъ въ этихъ просьбахъ пустыхъ.
Ты—мой лучъ идеала святого,—
Я тебя восхвалю въ пѣснопѣньяхъ живыхъ!

Она (въ сторону).

Что съ нимъ дѣлать?.. Сыщу-ка „другого“

Юнкеръ Тесаковъ.

ЖЕНЩИНА НА ИМПЕРІАЛѢ КОНКИ.

(Мнѣнія, разсужденія и заключенія).

Купецъ.—Эво что выдумали!.. бабамъ на коночную верхотуру лазить разрѣшили... Ха-ха-ха!.. Посмотрѣть бы я, какъ моя Степанида Семеновна девятипудовая на имперіалъ бы поперла... А что, если въ самомъ дѣлѣ ей это вздумается?.. Вѣдь она у меня такая... Но, нѣтъ — шалишь!.. ребра переломаю...

„Эта дама.“—Вѣдь это разрѣшеніе дамамъ ѣздить на имперіалахъ конки — прелесть что такое!.. Теперь не одинъ чиновникъ вмѣсто департамента, или семейнаго обѣда... А вѣдь и у чиновниковъ бываютъ деньги, особенно 20-го числа...

Старый моралистъ.—Это возмутительно!.. Ну, какая женщина, имѣющая хоть каплю стыда и самоуваженія, полѣзетъ на верхъ конки?.. А впрочемъ... Чортъ возьми!—теперь непремѣнно буду садиться у входа въ вагонъ... Ножекъ-то, ножекъ сколько хорошенькихъ можно наблюдать... У-у!..

Женскій эмансипаторъ.—Еще новое завоеваніе на поприщѣ женской эмансипаціи!.. Ура!.. Долой рутину и нелѣпые предразсудки!.. Развѣ у женщинъ нѣтъ ногъ?.. Нарочно сбрею усы и бороду, одѣнусь въ женское платье и цѣлые дни буду разъѣзжать на имперіалахъ конки, чтобы показать примѣръ и ободрить малодушныхъ дамъ...

Нѣжно-любимый супругъ.—Вотъ не было печали, такъ накачали!.. Ну, куда я теперь буду спасаться отъ моей половины?!.. Прежде, бывало, хоть на имперіалъ за мной не полѣзетъ, а теперь вѣдь и тамъ отъ нея не спасешься... Всѣмъ бы „разрѣшителямъ“ этимъ такихъ нѣжныхъ женъ, какъ моя Клеопатра Аполлоновна... Взвыли бы!..

Экономная хозяйка.—Ахъ, вѣдь это очень хорошо, что намъ позволили ѣздить на имперіалахъ... Двѣ копѣйки на полу не подымешь... Только неловко какъ-то... Пока не увижу на верху кого-нибудь изъ знакомыхъ дамъ—ни за что первая не сяду.

Уличный ловеласъ.—Вѣдь только подумать, сколько теперь приключеній съ дамочками будетъ происходить?.. Сколько случаевъ для легкихъ интрижекъ... Ура!..

Кондукторъ конки.—Эхъ, жизнь наша каторжная!.. И то этихъ барынь подсаживай, да высаживай, а теперь смотри чтобы еще сверху турманомъ не полетѣла... Долго ли платьемъ, съ непривычки, зацѣпить?.. Нѣтъ, надо въ кучера проситься,—лучше ужь человѣка переѣхать, чѣмъ такъ-то маяться съ барынями вѣкъ свой...

Сообщилъ: Вр—ръ.

НЕУТѢШНАЯ ВДОВИЦА.

У госпожи Тютюкиной безъ вѣсти пропалъ мужъ. Предполагаютъ, что онъ потонулъ, переходя Неву и попавъ въ полынью. Несчастная женщина въ неописанномъ отчаяніи.

— Послушайте, Агнія Николаевна, утѣшаетъ ее одинъ изъ знакомыхъ,—полно вамъ плакать. Бѣда велика, непоправима, но ей вы уже не поможете, а себя разстроите вконецъ.

— Ахъ, Боже мой, послѣдовалъ отвѣтъ,—вы и постичь не можете всей глубины моего горя. Поймите, что тѣло моего мужа не найдено.. Что, если оно и потомъ не сыщется? Вѣдь я тогда семь, цѣлыхъ семь лѣтъ буду лишена права выйти замужъ.

Дэтъ.

ПОСЛОВИЦЫ И ПРИБАУТКИ ВЪ ЛИЦАХЪ.

— Вали батькѣ въ кадило все, что не мило!..— говорилъ одинъ изъ современныхъ филантроповъ, отправляя въ благотворительное общество пару пустыхъ одеколонныхъ флаконовъ.

— Ласковое слово лучше мягкаго пирога!..— такъ привѣтствовалъ должникъ внезапно явившагося съ векселемъ кредитора.

— Вали валомъ, послѣ разберемъ!..—рѣшилъ городовой, отправляя въ участковую съѣзжую цѣлую свору ночныхъ дебошировъ.

— Заладила сорока Якова и зоветъ имъ всякаго!..—замѣтилъ нѣкто, натыкаясь на печатное зазыванье банкирскихъ конторъ.

ПЕРЕДЪ ПРАЗДНИКАМИ.

Супругъ ревнивый, пожилой,
Томимый мрачнымъ подозрѣньемъ,
Смущенъ, невольно, поведеньемъ
Своей супруги молодой.

— Она ласкается недаромъ,—
Глаза мнѣ хочетъ отвести,
Чтобы съ кузеномъ Грегуаромъ
Меня ловчѣе провести...

Мужъ, не томи себя напрасно,—
Жена подарковъ ждетъ теперь,
А тамъ, на праздникахъ, повѣрь,
Рогами отдаритъ прекрасно...

Донъ Жуановъ

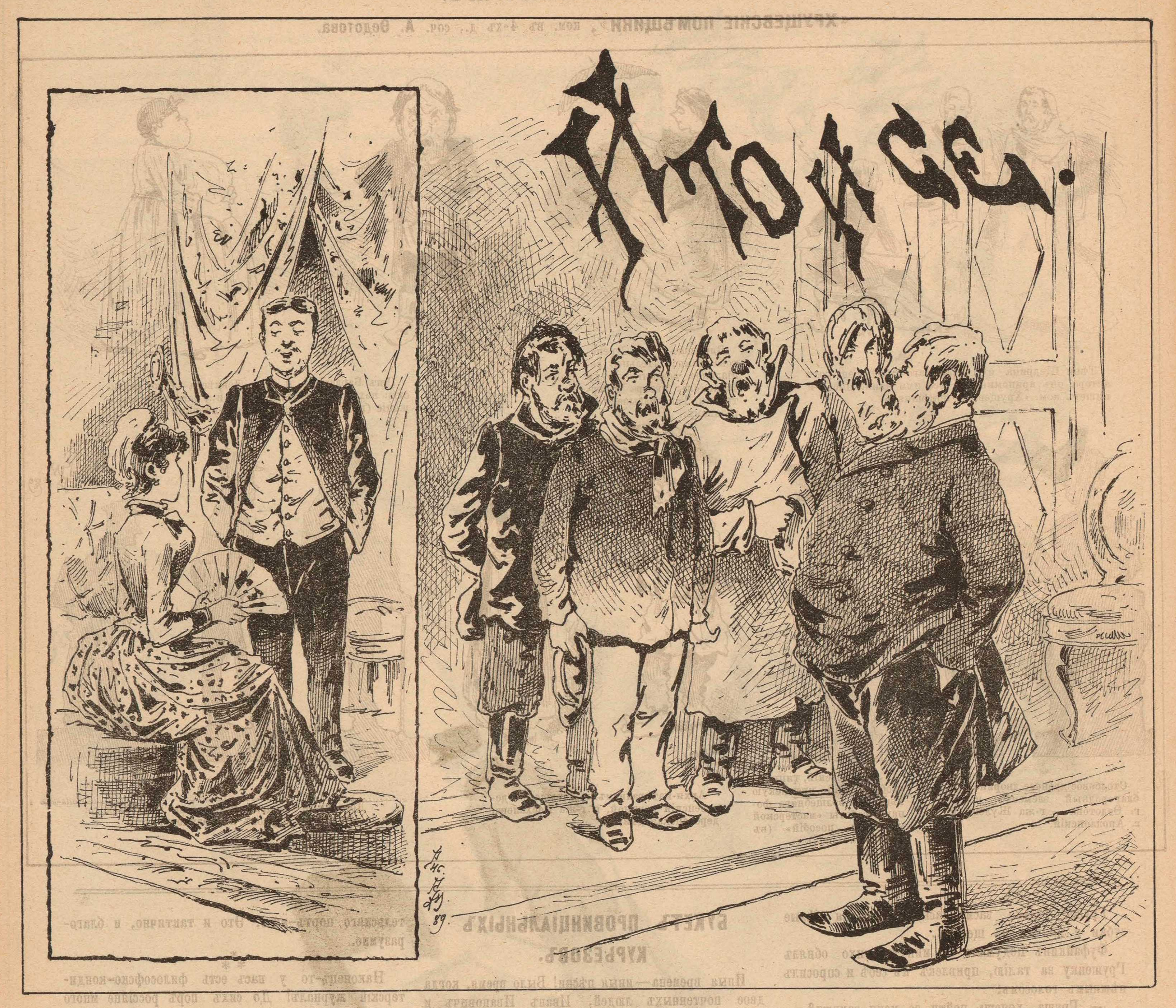
— Я замѣчаю, что ты къ нему неравнодушна.
— Пустяки. Я неравнодушна не къ нему, а къ его бумажнику.

— Пусть онъ страдаетъ до безумія, но я рѣшительно не чувствую къ нему никакой любви. Я, положительно, не могу полюбить этого бѣднаго молодого человѣка.
— Да, дѣйствительно... Вотъ, если бы богатаго...

— Однако, эта маска декольтирована немножко черезчуръ...
— Вздоръ... Ей все-таки далеко до «плѣнницы» Сухоровскаго...

— Ну, чего ты бьешь лошадь? Пусть себѣ бѣжитъ потихоньку!
— Эвося! Назвалась лошадью, такъ должна бѣжать какъ слѣдуетъ.

О томъ, о семъ.
— Что это у вашихъ дѣтей такой грустный видъ?
— И сама не знаю. Можете себѣ представить, — чуть не каждый день деру ихъ, чтобъ заставить глядѣть повеселѣе, и ничего не помогаетъ.
— Знаешь, Маня, это было прелестно, когда мы съ мужемъ губернію объѣзжали! Comprends tu, насъ вездѣ фетировали, встрѣчали съ помпой. А въ одномъ мѣстѣ березки посадили, только поторопились и посадили корнями вверхъ. Но это ничего—это даже очень оригинально, когда деревья такъ растутъ!..
— Стаканъ чаю!
— Со сливками или съ лимономъ прикажете?
— Все равно, только.. съ ложечкой.
— Зачѣмъ вы пригласили Брюквина писать критическія статьи въ вашей въ газетѣ?
— Да мнѣ, знаете, лицо его понравилось: такое подходящее, звѣрское...
— Ну, ужь и кавалеры нонича!.. Ни одинъ ужиномъ не угоститъ...
— Это еще не бѣда, Маша, а вотъ вчерась меня одинъ пригласилъ ужинать, а платить-то пришлось мнѣ...

Онъ. — Въ Германіи разсчитываются и марками.

— Почтовыми или гербовыми?

— А вотъ ужь этого не могу вамъ сказать... я самъ хорошенько не знаю...

— Разбери, батюшка Провъ Силычъ, наше междометіе, сдѣлай милость.

— Ну, есть тоже мнѣ время васъ разбирать! Васъ, вѣдь, на фабрикѣ-то полтораста скотовъ, а я одинъ.

НЕ СУДЬБА.

(Нравоучительный разсказъ).

Коко Фуфайкинъ, томимый одиночествомъ, пустотою жизни и постояннымъ насморкомъ — рѣшился на самоубійство. Его не прельщала жизнь, хотя онъ получалъ 43 р. 72 к. жалованья, имѣлъ два года съ мѣсяцами старшинства на чинъ провинціальнаго секретаря и старуху тетку, лѣчащуюся гомеопатіей, наслѣдникомъ которой (тетки, а не гомеопатіи) являлся онъ по силѣ тома X ч. 1 Свода законовъ гражданскихъ, — устраняя двухъ претендентовъ на наслѣдство: любимаго мопса и излюбленную шавку. Ему бы жить да жить, — а онъ рѣшился на такой рискованный шагъ, словно гимназистъ перваго класса! Что дѣлать, такова сила моды, такъ сказать, повѣтріе злобы дня или инфлуэнція бронхитной души!

Итакъ, рѣшившись на самоубійство, Фуфайкинъ, надѣвъ фракъ, бѣлую перчатку и туго накрахмаленную сорочку, отправился къ отставному надворному совѣтнику Фляжолетову — просить у него руки одной изъ его трехъ, заслужившихъ аттестатъ зрѣлости, дочерей, — которой — ему было ганцъ ейнерлей и помадъ, — онъ былъ не разборчивъ на орудія самоубійства!

На его звонокъ дверь отворила хорошенькая, молоденькая, румяненькая, опрятненькая и скромная горничная Фляжолетовыхъ — Груша.

Изъ квартиры неслась цѣлая кавалерійская дивизія разнородныхъ, портящихъ печенку, музыкальныхъ звуковъ, гаммъ, сольфеджіо и экзерсицій.

— Здравствуй, прелесть моя Грушонокъ. Господа дома? мрачно спросилъ Фуфайкинъ.

— Господа уѣхали въ какой-то концертъ, отвѣтила Груша и стрѣльнула красивыми темными, лукавыми глазками.

— Досадно! А Лидія Аполлоновна дома, можно ее видѣть?

— Барышня поютъ съ своимъ учителемъ, — теперь, пока не кончатъ, ихъ видѣть никакъ нельзя...

— Поетъ?! Очень досадно! Ну, все равно, — а Муза Аполлоновна?

— Онѣ-съ на рояли учатся... Изволите слышать гаммы, переливы эти самые, — это ихъ рукъ дѣло... Не приказывали никогда въ это время себя тревожить...

— Весьма досадно даже! Ну, а Вѣрочка?

— Вѣра Аполлоновна играютъ на скрипкѣ... у нихъ тоже учитель, сидятъ запершись въ своей комнатѣ... На будущей недѣлѣ онѣ даютъ концертъ...

— Фу, мочи нѣтъ досадно!

Фуфайкинъ задумался и молча глядѣлъ на хорошенькую мордочку Груши, обрамленную свѣтлыми, вьющимися волосами, на ея пунцовый ротикъ, маленькія розовыя ушки, чуть вздернутый задорный носикъ и круглыя формы, охваченныя сарпинковымъ платьемъ.

— А ты, Груша, не поешь?

— Нѣтъ, сударь, — голосу нѣтъ... Когда, когда что промурлычу отъ тоски...

— А на фортепіано играешь?

— Куда мнѣ, — что вы... Чижика знала однимъ пальцемъ, да и то конецъ забыла...

— А на скрипкѣ не наяриваешь?

ОБРАЗЦОВЫЙ РЕПЕРТУАРЪ.

«ХРУЩЕВСКІЕ ПОМѢЩИКИ», ком. въ 4-хъ д., соч. А. Өедотова.

Тѣни Щедрина и Островскаго воодушевляютъ автора: онъ припоминаетъ все ими написанное—и пишетъ ком. «Хрущевскіе помѣщики».

Впрочемъ г-жа Стрепетова самостоятельное геніальное созданіе двухъ талантовъ: автора и артистки. Такъ-называемый реализмъ.

Г-нъ Варламовъ—и г-жа Левкѣева—тоже реалисты: пахнутъ саломъ, дегтемъ и... pardon за выраженіе (не наше—Өедотовское)—клопами.

Столбовое древнее дворянство: благородный элементъ пьесы г. Өедотова — г-жа Жулева и г. Аполлонскій.

Г. Никольскій, типично изобразившій китайскую тѣнь изъ волшебнаго фонаря, работы «мастерской учебныхъ пособій» (въ Троицкомъ пер.).

Архи-натурализмъ: г. Давыдовъ—деревенскій портной, и г-жа Пасхалова, деревенская дѣвка.

Достойные подражатели г-на Никольскаго: г-да Писаревъ, Черновъ и Глазуновъ.

Груша только засмѣялась, показывая бѣлые зубки и ямочки на щекахъ.

Фуфайкинъ подумалъ съ минуту, тихо обнялъ Грушенку за талію, привлекъ къ себѣ и спросилъ нѣжнымъ голосомъ:

— Груша, хочешь пойти за меня замужъ?

Онъ твердо рѣшился на самоубійство, и бритва ли, пистолетъ ли, веревка ли—ему было все равно!

Груша перестала смѣяться, но такъ и осталась съ открытымъ ротикомъ и съ затуманенными слезою глазками...

Я былъ шаферомъ на самоубійствѣ Фуфайкина. Онъ живъ, здоровъ, веселъ—и не думаетъ больше о тоскѣ жизни... Тетка его умерла, оставя ему имѣньице,—сонаслѣдниковъ мопса и шавку утопили.

А дѣвицы Фляжолетовы все еще продолжаютъ пѣть и играть.

Ев. Юшинъ.

БЕЗДѢЛУШКИ.

На парадномъ обѣдѣ. Какой-то господинъ, тщетно поджидавшій появленія послѣ супа жаркого, раздосадованно встаетъ изъ-за стола и собирается уйти.

Замѣтивъ это, одинъ изъ распорядителей обѣда поспѣшно подходитъ къ господину:

— Петръ Петровичъ, куда же вы? Вѣдь еще жаркое не подавали!..

Господинъ нетерпѣливо:

— Извините... я привыкъ ѣсть супъ и жаркое въ одинъ и тотъ же день...

БУКЕТЪ ПРОВИНЦІАЛЬНЫХЪ КУРЬЕЗОВЪ.

Иныя времена—иныя пѣсни! Было время, когда двое почтенныхъ людей, Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ, спорили изъ-за гусака. Теперь два доблестныхъ патріота, художникъ Айвазовскій и голова Еранцевъ, вдохновенно спорятъ изъ-за... морского порта. Гдѣ быть порту: въ Өеодосіи ли, или же въ Севастополѣ?

Оберъ-маринистъ категорически стоитъ за Өеодосію. По его словамъ, здѣсь, и только здѣсь мыслимъ и желателенъ портъ. Здѣсь и небо вѣчно-голубое, и солнце свѣтитъ ярко и привлекательно, и вода тепла, и зефиры, шелестя, цѣлуютъ статскихъ совѣтниковъ въ лысины... Чего же еще лучше ундъ мейнъ либхенъ васъ вильстъ ду нохъ меръ?

Севастопольскій городской голова Еранцевъ, наоборотъ, стоитъ за Севастополь. Коммерческій портъ долженъ быть устроенъ въ Севастополѣ, иначе—солнце перестанетъ свѣтить и земля вращаться вокругъ своей оси. Въ Севастополѣ раціональнѣе устроить портъ, чѣмъ въ какой-то Өеодосіи, потому, что онъ служитъ лучшимъ пунктомъ для черноморской торговли; потому, что бухты его живописны и удобны; потому, что онъ „защищенъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ"; потому, что устройство порта въ Севастополѣ обойдется очень дешево...

Такъ спорилъ голова съ маринистомъ, и, въ концѣ концовъ, голова побѣдилъ мариниста. И немудрено. При устройствѣ порта, прежде всего слѣдуетъ сообразоваться съ положеніемъ обывательскаго портъ-монэ. Это и тактично, и благоразумно.

* * *

Наконецъ-то у насъ есть философско-кондитерскій журналъ! До сихъ поръ россіяне много кушали кондитерскихъ пирожковъ и мало занимались философіею. Теперь они будутъ въ равной пропорціи начиняться кондитерскими пирожками и философскими тенденціями.

Новый журналъ носитъ названіе „Вопросы философіи и психологіи". Издается онъ въ Москвѣ всероссійскимъ кондитеромъ Абрикосовымъ. Какимъ образомъ кондитеръ попалъ въ издатели философскихъ вопросовъ—до сихъ поръ остается роковою и загадочною тайною. Можетъ быть, онъ объѣлся тянушками? Или же, у него „было видѣніе»? Или же, онъ заболѣлъ черною меланхоліею?

Какъ бы тамъ ни было, но журналъ печатно обѣщаетъ „выступить съ нашимъ особымъ народнымъ міросозерцаніемъ, въ которомъ будутъ выдвинуты на первый планъ нравственные интересы жизни". Помимо этого, будутъ экспонированы безконечные рефераты о матеріализмѣ, эволюціонизмѣ, позитивизмѣ и другіе измы. Журналъ будетъ печататься на ажурной батистовой бумагѣ и къ каждой книжкѣ будутъ приложены миніатюрные кондитерскіе щипчики.

Подписывайтесь, господа, не теряя времени и аппетита!

* * *

Придетъ день и погибнетъ великая Троя... Пришелъ день и исчезли всѣ одесскіе танцъ-классы. Они были, процвѣтали, горѣли огнями и гремѣли топотомъ танцующихъ ногъ.

Одесскіе танцъ-классы были вполнѣ самобытные танцъ-классы. Тамъ танцовали горячо, съ задоромъ и съ колѣнцами. Танцовали съ гиканьемъ и воплями. То на цыпки, то на пятку, то въ раскидку, то въ присядку. То задравъ къ верху голову и утюжа кулаками лицо сосѣдняго танцора, то, отчаянно выставивъ грудь, самымъ забористымъ „канканомъ съ дробью". Напившійся до зѣла ростовскій слонъ никогда не танцовалъ такъ своеобразно, какъ танцовали одесскіе кавалеры.

И вотъ, увы, танцъ-классы дотанцовались до закрытія. Теперь, увы, уже нѣтъ больше танцъ-классовъ. И грустно, и скучно, и негдѣ ноги размять!..

Кабинетный путешественникъ.

РѢШЕНІЕ ШАРАДЫ,

помѣщенной въ № 50.

Переломъ.

Редакторъ-Издатель В. Я. Эренпрейсъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 Декабря 1889 года. Типо-литографія Р. Голике, Троицкая ул., д. 18—20.